

**ЧТО ЗНАЧИТ «ТЕПЕРЬ»?
ИСТОРИОСОФСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ РИКУСА ВАСКОВСКИ
В СТИХОТВОРНОМ ЦИКЛЕ “DAS ALTE KÖNIGSBERG”**

И. О. Дементьев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 15.05.2026 г.
Принята к публикации 05.06.2026 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-5

Представлен анализ стихотворного цикла “Das alte Königsberg” («Старый Кёнигсберг») нидерландского поэта Рикуса Васковски (1932 – 1977) из сборника “Tant pis pour le clown” (1966). В четырех стихотворениях цикла поэт описывает четыре события из повседневной жизни Кёнигсберга XVI – XVII веков: убийство студента, празднование университетского юбилея, операцию по извлечению ножа из желудка пациента, казнь преступника. Установлен источник фактов, положенных в основу нарратива, – книга Каспара Штайна «Старый Кёнигсберг». Критики пришли к выводу, что обсуждаемый цикл отражает в первую очередь интерес Васковски к истории и его сочувственное отношение к ее жертвам. Я пытаюсь также показать, что “Das alte Königsberg” можно интерпретировать как иллюстрацию к постулату Фридриха Ницше о трех родах истории – монументальном, антикварном и критическом. Своеобразная историософия Васковски сочетает эмпатию по отношению к жертвам с апологией науки и искусства (мастерства), а также с вниманием к нюансам ускользающей повседневности. Отдельно рассмотрен вопрос о выборе имени профессора поэтики Пита Калиссиуса, которое представляет собой одну из немногих вымышленных поэтом деталей. Благодаря помощи поэта и переводчика Яна Х. Мишкина удалось установить смысл этой аллюзии.

Ключевые слова: Кёнигсберг, история, нидерландская поэзия, Рикус Васковски

К свершившемуся 60-летию сборника “Tant pis pour le clown”, а также к предстоящему 95-летию рождения и 50-летию смерти его автора – Хендерикуса Маттеуса Васковски

1. Введение

Рикус Васковски (Riekus Waskowsky, 1932 – 1977; полное имя – Hendericus Mattheus Waskowsky) принадлежит к числу нидерландских поэтов, которые практически неизвестны в России. Между тем на родине его считали одним из самых оригинальных авторов, наследником традиций Эзры Паунда и Томаса Стернза Элиота. Васковски родился 15 октября 1932 года в Роттердаме. Один из его прадедов был польского происхождения, трудился смотрителем маяка на голландском побере-

жье (биография далее излагается по (Muiswinkel 1997)). Семья, в которой родился будущий поэт, была католической и одновременно симпатизировала социал-демократии, сам Рикус впоследствии имел разные профессии — от жестянщика до машиниста поезда. Отличаясь начитанностью и эрудицией, он быстро завоевал репутацию поэта-интеллектуала, ценителя Людвига Витгенштейна и одаренного переводчика с английского и испанского языков.

В 1966 году в издательстве *De Bezige Bij* увидел свет первый сборник Васковски *“Tant pis pour le clown”* (фр. «Тем хуже для клоуна»), который был с энтузиазмом встречен критикой. Название его второго поэтического сборника, вышедшего двумя годами позже, приобрело широкую известность в кругах ценителей «новой голландской поэзии» — *“Slechts de namen der grote drinkers leven voort”* («Выживают только имена великих пьяниц»). Дальнейшая его судьба, к прискорбию многих критиков, была типичной для многих поэтов жестокого двадцатого века: страдавший с детства от астмы Васковски также питал пристрастие к алкоголю и умер, не дожив до сорока пяти лет, 14 апреля 1977 года в Роттердаме. Насколько критика была благожелательно настроена к его дебютным сборникам, настолько же безжалостна к его позднему творчеству, оценки которого обычно сводились к печальной констатации угасания самобытности.

Тем не менее в сборнике *“Tant pis pour le clown”* талант молодого нидерландского поэта обнаружил себя со всей очевидностью. Среди стихов, включенных в него, выделяется тетраптих «Старый Кёнигсберг» (*Das alte Königsberg*), который отражает несколько неожиданный интерес поэта к немецкому городу, уже два десятилетия к тому моменту не существовавшему на карте (Waskowsky 1966, p. 14–18). Очарование испано- и англоязычной поэзией, типичное для Васковски, внезапно сменяется пристальным вниманием к хронотопу, который к моменту написания цикла исчез во всех измерениях: немецкий Кёнигсберг превратился в советский Калининград, Пруссия была ликвидирована в 1947 году решением держав — победительниц во Второй мировой войне, также ушла в небытие и эпоха, зафиксированная этим текстом, — между серединой XVI и серединой XVII века. Любопытно, что Васковски обратился к далекому востоку запада Европы практически в тот же момент, когда побывавший физически в городе К. — на дальнем западе востока Европы — молодой русский поэт Иосиф Бродский начал вносить свой вклад в «кёнигсбергский текст» русской литературы (Венцлова 2012).

Действие четырех стихотворений цикла Васковски происходит в прусской столице. На первый взгляд, сюжеты не взаимосвязаны, это случайно оказавшиеся в поле зрения поэта фрагменты ускользнувшей реальности¹.

¹ В сборник также включено стихотворение *“Canto II”*, одним из персонажей которого выступает Иммануил Кант (в параллели *Canto* — *Kant* невозможно не усмотреть языковую игру), но его интерпретация, как и характеристика его необычной судьбы, — задача для отдельного исследования.

2. Цикл «Старый Кёнигсберг»

Первое стихотворение цикла посвящено Эгидию Эрнесту Гуннию — человеку, которого можно смело назвать *ноунеймом* в истории города К.

На площади перед университетом
стоит теперь (но что значит «теперь»?) пересохший фонтан
а рядом под деревьями — надгробный камень
Эгидия Эрнеста Гунния, сына и т.д., и т.д.,

который 14 мая 1634 года жестоким оружием
бесполезного человека был ранен
и 21-го числа того же месяца непрестанно
взывая к своему Спасителю в час дня
в возрасте 19 лет, 4 месяцев и 24 дней
отдал свою душу Творцу.

В ожидании Судного дня².

В основе сюжета — реальный случай со студентом Кёнигсбергского университета (Альбертины) Эгидием Эрнестом Гуннием (Aegidius Ernest Hunnius, 1614, Айленбург, Северная Саксония — 1634, Кёнигсберг). Вошедший в историю благодаря смертельному инциденту, Эгидий родился в семье крупного лютеранского теолога Николауса Гунния (Nicolaus Hunnius, 1585—1643) и Анны (Anna Hettenbach), дочери профессора Виттенбергского университета Эрнестуса Хеттенбаха (Ernestus Hettenbach, 1552—1616). Гунний-отец получил докторскую степень по теологии в Виттенберге в 1612 году, тогда же вступил в брак, который, однако оказался далеко не самым счастливым: вскоре Анна родила троих детей, но из них две дочери (Элеонора и Анна Мария) умерли в детстве (старшая, Элеонора, прожила всего десять дней) (Heller 1843, S. 23). Родители, надо полагать, возлагали особые надежды на сына, родившегося в рождественские дни 1614 года. Оба имени отпрыск получил в честь своих дедов — также профессора теологии в Марбурге и Виттенберге Эгидия³ (Ägidius Hunnius der Ältere, 1550—1603) и Эрнестуса Хеттенбаха. К линии сын — отец — дед и отсылает, похоже, поэт в конструкции “*zoon van enz, enz*” (сын [такого-то] и т.д., и т.д.).

Эгидий Эрнест решил посвятить себя изучению теологии — начал обучение в Виттенберге в 1628 году, а в 1633-м переехал в Кёнигсберг, причем этот переезд был профинансирован персональной стипендией, выданной гамбургским торговцем-филантропом Генрихом Шаббелем

² Здесь и далее приводятся подстрочники текстов Васковски. Оригинальные тексты цикла “Das alte Königsberg” доступны онлайн. URL: <https://www.vanoorschot.nl/dbnl/vier-gedichten-riekus-waskowsky/> (дата обращения: 01.03.2026). По возможности сохранена своеобразная пунктуация оригинала.

³ В русской литературе также встречаются другие транслитерации: Егидий Гунний (Леонардов 1900), Эгидий Гунниус (Луц 2014, с. xv).

(Heinrich Schabbel; 1565–1639)⁴. В Кёнигсберге с Эгидием произошло несчастье: вечером 4 мая 1634 года на улице он подвергся неожиданному нападению и был ранен в голову, от чего спустя несколько дней скончался (Ibid.). Профессор теологии Альбертины Иоганн Бем (Johann Behm, 1578–1648) произнес надгробную речь, текст которой был построен на фрагменте Книги Притчей Соломоновых (1:6–14) – очевидно, в первую очередь отсылая к словам грешников в 1:11 «...сделаем засаду для убийства, подстережем непорочного без вины...» (в лютеровской Библии: “...wir wollen auf Blut lauern und den Unschuldigen ohne Ursache nachstellen...”). Убийца, по всей видимости, установлен не был; в позднейшей литературе утверждалось, что за этим убийством стояли «паписты», которые мстили таким образом отцу за его опасные для католической веры труды (Ibid.). Доказать это, разумеется, невозможно, да и факт влиятельности католиков-экстремистов в Кёнигсберге более чем через сто лет после Реформации выглядит сомнительным.

Топографические реалии не вызывают сомнений: упомянута площадь перед университетом, здание которого располагалось на острове Кнайпхоф, образуемом рукавами реки Прегель (совр. остров Канта в Калининграде). Здание это не пережило Вторую мировую войну.

Второе стихотворение цикла посвящено юбилею Альбертины – поэт как будто по ассоциации переходит от одной университетской темы к другой.

Кстати, столетие Кёнигсбергского университета тоже стало настоящим событием.

– Дело не только в том, что мы все были сильно пьяны, но и в том, что мы слушали профессорские речи
на греческом, иврите, халдейском и сирийском языках.

Кроме того, там была юбилейная песнь (jubileumscarmen),
сочиненная тогдашним профессором поэзии:
доктором Питом Калиссиусом.

Юбилей Кёнигсбергского университета широко отмечался в 1644 году, но профессора по имени *Piet Calissius* в Альбертине никогда не было. Реальность первого сюжета оттеняется мнимой реальностью второго – поэт предлагает читателю познакомиться с вымышленным персонажем, и значение этого трюка еще предстоит оценить.

Третье стихотворение повествует об операции по извлечению ножа из желудка пациента.

(первая операция на желудке – 9 июля 1635 года)
В тот день Андреас Грюнхайде из Грюнвальда,
расположенного недалеко от Ландсберга, был крепко привязан к доске.

⁴ В 1637 году, уже после трагической гибели сына, Николаус Гунний оказался одним из тех, кто посоветовал Шаббелю учредить стипендиальный фонд в поддержку студентов (Jubelfeyer... 1737, S. 944). Фонд просуществовал до 1929 года.

А Даниэль Швальбе, пользовавшийся большой известностью в Пруссии как стоматолог, умело вскрыл стенку желудка.

Затем с Божьей помощью и посредством изогнутой иглы проглоченный нож был извлечен и показан присутствующим.

“Ja, das ist mein Messer!”⁵ — радостно воскликнул пациент.

В реальности фамилия врача была не Швальбе (Schwalbe), а Швабе (Daniel Schwabe, 1592—1635), и он был хирургом, а не стоматологом. Первая известная в истории успешная операция по извлечению ножа из желудка, произведенная над Андреасом Грюнхайде (Andreas Grünheide), действительно была совершена в июле 1635 года, причем с разрешения медицинского факультета Альбертины (Albinus 1988, S. 284).

Четвертое стихотворение связывает сразу несколько сюжетов.

В старой Кнайпхофской ратуше
под лестницей до сих пор висит ступка,
с помощью которой Иоганнус Вегнер в 1550 году,
во вторник после праздника Богоявления⁶,
забил до смерти своих отца и мать.

И поскольку
Эсхин говорит, что государство ничего не стоит
если оно не обладает властью над преступниками,

Иоганнуса Вегнера протащили по всему городу
а затем на Кнайпхофской площади
растерзали на куски раскаленными клещами.

Палача звали Адам Пранг.

Здесь нарратив распадается на три компонента — описание преступления, апелляция к морализирующей античной риторике и характеристика наказания. Упомянутые исторические деятели (Вегнер, Эсхин, Пранг) реальны, но степень авторского участия в организации логической связи между разными сюжетами пока не вполне ясна.

3. Источник

Нет оснований полагать, что Васковски собирал из разных источников разрозненные факты из истории старого Кёнигсберга XVI—XVII веков. На самом деле источник этих сведений один, и поэт, не да-

⁵ Нем. «Да, это мой нож!»

⁶ В оригинале: *Driekoningen*, то есть Праздник трех царей (6 января у лютеран). Характерно, что Кёнигсберг до 1724 года де-юре состоял из трех городов, то есть *королевских гор* было как будто три.

вая точной ссылки, намекает на него самим названием цикла. «Старый Кёнигсберг» — это наименование немецкого перевода латиноязычного сочинения Каспара Штайна (Caspar Stein, 1592–1652). Штайн закончил медицинский факультет Виттенбергского университета. Работая в Кёнигсберге врачом, он принадлежал к кругу поэта Симона Даха и сам занимался творчеством — в частности, написал исторический путеводитель по городу под названием “Peregrinator” (лат. «Путешественник»). Рукопись сочинения, датируемая 1644 годом, хранилась в Кёнигсберге и погибла в конце Второй мировой войны (Albinus 1988, S. 303), но известность приобрел его перевод, выполненный книготорговцем и переводчиком Арнольдом Харизиусом (Arnold Charisius, 1867–1945) (Ibid., S. 56) и увидевший свет в 1910 году.

Именно в этом немецком переводе можно найти все четыре сюжета, описанных Васковски, причем с деталями и аллюзиями, которые не оставляют сомнений в том, что именно это сочинение поэт держал в руках.

Процитируем далее фрагменты из «Старого Кёнигсберга» Штайна для сравнения с текстом Васковски.

[1] «На площади перед коллегией находился ныне засыпанный фонтан, а также надгробный камень, на котором высечено следующее: Эгидий *Эрнст Гунний*, сын любекского суперинтенданта д[октора] Николауса Гунния и Анны Хелленбах⁷, внук виттенбергского теолога д[октора] Эгидия Гунния, родившийся в Айленбурге 24 декабря 1614 года, который посещал нашу академию для изучения теологии, был ранен 14 мая 1634 года бездушным оружием одного никчемного человека и отдал 21-го числа того же месяца в час пополудни, в 19 лет, 4 месяца и 24 дня, с самой искренней мольбой Спасителю, свою душу Творцу и ожидает радостного воскресения» (Stein 1910, S. 29).

Заметно, что почти всё Васковски заимствовал из этого короткого текста, в том числе даты нападения и смерти, приведенные Штайном. В литературе указываются другие даты — в частности, Л. Хеллер в биографии Гунния-отца точно датирует нападение 4 мая, а смерть — 11 мая 1634 года (Heller 1843, S. 23). Обращает на себя внимание хронологический сдвиг: из биографии Эгидия следуют даты нападения и смерти 4 и 11 мая, у Штайна и в стихотворении указаны 14 и 21 мая. Разница в десять дней объясняется, возможно, тем, что авторы использовали разные стили (именно столько составляет разница между юлианским и григорианским календарями для XVII века).

В первом стихотворении почти нет самого Васковски — он практически дословно цитирует книгу Штайна, и роль автора ограничивается сокращением некоторых деталей и, собственно, переводом с немецкого на нидерландский; ему также принадлежит ремарка в скобках «(но что значит “теперь”?)».

⁷ В переводе сочинения Штайна девичья фамилия матери погибшего указана с ошибкой — *Хелленбах* вместо *Хеттенбах*.

[2] Семнадцатого августа 1644 года (27 августа по новому стилю) в рамках празднования столетия университета состоялись торжественные церемонии, включавшие молитвы и проповеди. Звучали «торжественные речи на латинском, греческом, иврите, халдейском и сирийском языках, произнесенные профессорами и студентами, юбилейная песнь, исполненная профессором поэтики» (Stein 1910, S. 27)⁸.

Здесь текст источника, который содержит фактуру (в точности повторяется список языков, на которых звучат речи), обрамлен уже с двух сторон дополнениями, сделанными Васковски: в начале стихотворения он вводит читателя в тему: «Кстати, столетие Кёнигсбергского университета тоже стало настоящим событием. Дело не только в том, что мы все были сильно пьяны...»; в конце — прибавляет к тексту источника вымышленную фамилию Пита Калиссиуса.

[3] Описывается находящийся в районе Кёнигсбергского замка «дом дворянского рода Лендофф (Lehndoffsche Haus)⁹, в котором 22-летний молодой крестьянин, а именно так называемый “глотатель ножей” (Messerschlucker) Андреас Грюнхайде, уроженец деревни Грюнвальде, расположенной недалеко от городка Ландсберг... чудесным образом сохранил здоровье и жизнь. <...> 9 июля [1635] хирург вскрыл брюшную полость юноши с левой стороны, на расстоянии двух пальцев ниже ложных ребер с помощью изогнутой иглы вытянул желудок и, после того как острие ножа было направлено вверх, над ним слегка надрезали стенку желудка и, с Божьей помощью, удачно извлекли нож, а также показали его всем присутствующим» (Stein 1910, S. 88 – 89).

Реплика пациента заимствована из помещенного в конце книги текста источника — фрагмента описания операции, сделанного очевидцем: «Увидев нож, пациент тут же радостно воскликнул: «Это мой нож!» (Das ist mein Messer!) — Удачливым и умелым хирургом оказался придворный и городской хирург Даниэль Швабе...» (Ibid., S. 133).

В третьем тексте Васковски также сохранил общую фактуру и добавил немногочисленные детали («крепко привязан к доске»), изменил фамилию и специализацию врача, «пользовавшегося большой известностью в Пруссии» (фактически эта известность пришла к Швабе как раз после этого случая); в реплике ошастливленного больного появилось отсутствовавшее в источнике слово «да».

[4] «Кнайпхофская ратуша на одноименной рыночной площади с двумя башенками, часами и свободно болтающимся колоколом. Внизу, у лест-

⁸ В оригинале: “Festreden in lateinischer und griechischer, in hebräischer, chaldäischer und syrischer Sprache von Professoren und Studenten gehalten, mit einem vom Professor der Dichtkunst gesprochenen Jubiläumscarmen” — ср. у Васковски: “professorale toespraken / in het Grieks, het Hebreeuws, het Chaldees en het Syrisch <...> / een jubileumscarmen, / vervaardigd door de toenmalige professor in de Dichtkunst”.

⁹ В переводе Штайна фамилия домовладельца воспроизведена с ошибкой — должно быть Лендорф (вместо Лендофф, Lehndorff вместо Lehndoff).

ницы ратуши, висит железный пестик для ступы (eine eiserne Mörserkeule)¹⁰, которым в 1550 году, во вторник после Праздника трех царей, Иоганн Вегнер (Johann Wegner) убил своего отчима и собственную мать. Его опознали по окровавленным ботинкам, которые он отдал сапожнику; его арестовали, провели по всем трем городам¹¹, а затем разорвали раскаленными клещами. Над дверью зала городского совета находится надпись, частично стертая временем: *Эсхин говорит, что государство, не обладающее силой и энергией для борьбы с преступниками, бесполезно*» (Ibid., S. 42).

В четвертом тексте Васковски вновь воспроизводит почти дословно текст источника. Правда, описывая преступление Вегнера, Штайн не называет имени палача, но Адам Пранг (Adam Prang) также встречается на страницах его «Старого Кёнигсберга»: именно Пранг в 1566 году казнил обвиненного в государственной измене лютеранского теолога Иоганна Функа (Johann Funck, 1518–1566) с его сторонниками (Ibid., S. 45). Теоретически он мог быть тем же самым лицом, которое осуществило экзекуцию матереубийцы шестнадцатью годами ранее, но прямого указания на это в сочинении Штайна нет. Другие правки Васковски таковы: отчим Вегнера заменен отцом; локализовано место казни (площадь Кнайпхофа¹²).

Цитата из афинского оратора IV века до н. э. Эсхина претерпела ряд сокращений в цепочке интерпретаторов: Васковски упростил текст Штайна, который, в свою очередь, пересказал исходный фрагмент речи древнегреческого оратора. Текст последнего выглядит так: «Ведь если вы будете наказывать преступников, то законы у вас будут хорошими и имеющими силу, а если будете прощать, то хорошими они, конечно, останутся, но силу свою потеряют»¹³ (Эсхин 2013, с. 614–615; пер. Э.Д. Фролова). Следует признать, что смысл, в общем, передан верно.

4. Интерпретации

В научной литературе, несмотря на популярность цикла Васковски, встречается не так много его интерпретаций. В газетной рецензии на сборник нидерландский поэт и переводчик Шекспира Корнелис Буддинг (1918–1985) особо выделил “Das alte Königsberg” и воспроизвел

¹⁰ У Штайна однозначно речь идет о пестике для ступки, в стихотворении же Васковски используется обозначающее инструмент для перемалывания слово *vijzel*, которое имеет два значения — как ступка сама по себе, так и ступка вместе с пестиком; пестик без ступки, как мне подсказал А.И. Сходнов, передается в нидерландском словом *stamper*. Таким образом, Васковски здесь либо ошибся в переводе, подменив пестик самой ступкой, либо сознательно внес в цитату из источника правку в своем стиле.

¹¹ Имеются в виду Кнайпхоф, Альтштадт и Лёбенихт — города, которые формально были объединены в 1724 году в Кёнигсберг.

¹² Таким образом, действие 1-го, 2-го и 4-го стихотворений разворачивается на Кнайпхофе, и только третий сюжет локализован за пределами острова — в районе замка.

¹³ В оригинале: ἐὰν μὲν γὰρ κολάζῃτε τοὺς ἀδικοῦντας, ἔσονται ὑμῖν οἱ νόμοι καλοὶ καὶ κύριοι, ἐὰν δ' ἀφίητε, καλοὶ μὲν, κύριοι δὲ οὐκ ἐτί (Aeschin. In Timarch. 36).

целиком четвертое стихотворение (далее цитируется по: Buddingh' 1966). Сравнив Васковски с Паундом, рецензент отметил: «...сразу бросается в глаза то, что он, как и Паунд, очарован историей и — опять же, как и Паунд — включает в свои стихи факты из прошлого и высказывания известных исторических личностей в качестве “готовых элементов”». Но у Васковски нет монументальности, присущей Паунду, он фокусируется на конкретных сюжетах (мы бы сегодня сказали — выбирает микроисторический подход). «Поэтому его стихи совершенно прозрачны, но преимущественно анекдотичны; это не анализ культуры, а в лучшем случае иллюстрация к тезису Гиббона о том, что история — это не что иное, как “список преступлений, безрассудств и бедствий человеческого рода”¹⁴».

Буддинг резюмирует, процитировав сюжет с Вегнером: «Сдержанный, фактологический стиль письма, внимание к конкретным деталям, отсутствие каких-либо комментариев — все это характерно для того, что называют “новой голландской поэзией”». Обсуждая другое стихотворение, Буддинг находит, что в нем, в отличие от «Старого Кёнигсберга», поэт «подразумевает гораздо больше, чем говорит», но в целом оценивает дебют Васковски очень высоко.

Поэт и теолог Мария де Грот (род. 1937), размышляя над сборником Васковски, констатирует, что он «в своих стихах предпочитает излагать исторический материал таким образом, чтобы открыть неожиданный взгляд на человеческую природу (*condition humaine*)¹⁵» (Groot 1967, p. 49). В первом и четвертом стихотворениях цикла она усматривает проявление солидарности поэта с жертвами глупости¹⁶ и насилия. «Каждое стихотворение Васковски — это аварийный тормоз, благодаря которому стремительно развивающаяся мировая история на мгновение останавливается, так что время и пространство снова становятся общедоступными» (Ibid.). Внимание критика привлекает вопрос Васковски «но что значит *теперь?*»: «...в поэзии Васковски присутствует все, во временном и пространственном смысле. Нет завершеного прошлого, потому что это прошлое присутствует в настоящем. Он специально выбирает неизвестные имена и события в качестве материала, чтобы подчеркнуть важность личности, продемонстрировать абсурдность систем

¹⁴ Цитата Эдуарда Гиббона дана по русскому переводу (Гиббон 2008, с. 169). В оригинале: “...register of the crimes, follies, and misfortunes, of mankind”.

¹⁵ Возможно, Мария де Грот специально отсылает в этом предложении к одному из ключевых понятий книги Ханны Арендт «*Vita activa*, или О деятельной жизни», вышедшей в 1958 году в США под названием “*The Human Condition*”. Стоит ли напоминать, что Ханна Арендт, до 18 лет прожившая в Кёнигсберге, где столкнулась с разными проявлениями *человеческой природы*, вполне могла бы оказаться среди героев цикла Васковски “*Das alte Königsberg*”.

¹⁶ Критик здесь сближает Васковски с Эразмом Роттердамским, отсюда упоминание глупости (*domheid*); однако, строго говоря, мотивы убийства в обоих стихотворениях остаются непонятными, а в случае Вегнера мы даже не можем быть уверены до конца в его виновности. Поэтому утверждение, будто Васковски сочувствует *жертвам глупости*, не вполне доказательно.

и внушить нам мысль о том, что “l’histoire se répète”¹⁷ (Ibid., p. 50). Иллюстрируя свой тезис, Мария де Грот также обращается к заключительному сюжету цикла. Прочитав полностью текст, она резюмирует: «Отличительной чертой этого стихотворения является прежде всего очевидная причинно-следственная связь событий. Бессмысленность и иррациональность этого порочного круга смерти становятся неизбежными благодаря явному упоминанию места, времени и людей. В значительной степени этому способствует заключительное предложение» (Ibid.).

Оба критика, выделив «Старый Кёнигсберг», сходятся в констатации повышенного, почти болезненного внимания поэта к истории и (хотя говорят об этом разными словами) связанной с этим вниманием эмпатичности автора. Васковски (что, кстати, неудивительно с учетом его профессионального пути) выражает демократичный взгляд на историю как на пространство торжества насилия и глупости. Но им, на мой взгляд, нельзя исчерпать «историософию» поэта. Я бы сказал, что Васковски не просто очередной автор, призывающий милость к падшим; он умело сочетает три рода *истории*, *полезной* и *вредной* для жизни, описанных Фридрихом Ницше¹⁸. Тщательная (хотя и не всегда точная) передача деталей событий, происходивших с малоизвестными историческими персонажами, — это антикварный род истории, который регистрируется во всем цикле. Сочувствие к жертвам, сквозящее в обрамляющих текст первом и четвертом сюжетах, — это критический род истории.

Третий выделенный Ницше род — монументальный — спрятан во втором и третьем стихотворениях, где описываются разные грани *мастерства творца*: поэтический талант профессора как венец интеллектуальной игры в бисер и профессионализм спасающего жизнь пациенту врача. Характерно, что в выбранных из книги Штайна сюжетах фоном для события выступает чувство радости: общее пьяное веселье, ставшее контекстом для поэтического творчества, во втором стихотворении и радость пациента, опознавшего свой нож (одновременно свой и чужой, *собственность* и *чужеродное тело*) в руках хирурга. Эти две внутренние *оды к радости* органично дополняют две внешние *оды меланхолии*, и историософия Васковски превращается как в идеальную *историю* — «историю равновесия» (перефразируя слова «поэзия равновесия», которыми Мария де Грот уже в названии своей статьи характеризует творческий метод Васковски (Groot 1967, p. 51)), так и в идеальную *историографию*, соединяющую все три ницшевских рода дисциплины.

¹⁷ Фр. «История повторяется».

¹⁸ «История трояким образом служит живущему: как существу деятельному и стремящемуся, как существу охраняющему и почитающему и, наконец, как существу страждущему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать монументальный, антикварный и критический род истории» (Ницше 2014, с. 97).

Нельзя не обратить внимание и на «теологический» аспект этого цикла. В первом сюжете подчеркивается набожность Гунния и сразу выстраивается перспектива Судного дня, в свете которого и подлежит оценке все свершившееся. Второй сюжет внешне лишен признаков сакральности; собственно, его роднит с первым только факт того, что празднование юбилея, то есть продолжающейся жизни и долголетия, «тоже стало настоящим событием» (тоже — событием было и случившееся десятилетием ранее нападение на безвинного студента). Преодоление смерти, которая должна была шокировать читателя в первом стихотворении, здесь происходит посредством творчества, вписанного в контекст античного симпозиума. Но аллюзии на библейскую историю обнаруживаются и здесь, в этом бесстрастном описании совершенно мирского события: в многоязычии звучащих речей¹⁹ можно усмотреть отсылку к сюжету Вавилонского столпотворения, а акцент на юбилейной песни (*jubileumscarmen*) заставляет вспомнить об этимологии слова «юбилей»: в этом понятии сочетаются ветхозаветная традиция прощения долгов («йовель» пророка Моисея) и католическая традиция прощения грехов (*Jubilaus annus*).

Третий сюжет эксплицитно упоминает «Божью помощь» (*Gods hulp*), ставшую условием успешности операции. Вероятно, именно для того, чтобы подчеркнуть роль Бога, Васковски меняет профессию Швальбе — хирург, может быть, справился бы и сам, а вот стоматологу поддержка свыше явно не помешала. Здесь тоже происходит *преодоление смерти* (или, вернее, предотвращение смерти) с помощью науки, которая станет знаменем эпохи модерна.

В четвертом сюжете Праздник трех царей (Богоявление) ненавязчиво представлен как неорганичный контекст отвратительного поступка Вегнера. Мы едва ли узнаем когда-либо, осознанным или бессознательным выбором поэта было прямо названное имя палача, но его нельзя не признать удачным: в нем имя первого человека Адам сочетается со словом *prang* (англ. «катастрофа, авария», в этом значении заимствовано и нидерландским языком; ср. также нидерл. *prangen* «давить, сжимать, притеснять» с иной этимологией). Так вся священная история от сотворения человека до Судного дня оказалась «вшита» в имя кёнигсбергского палача середины XVI столетия.

Две жуткие смерти, которыми открывает и закрывает цикл Васковски, имели разные последствия. В первом случае история скрыла имя убийцы, защитив лишь память о жертве (надгробный камень на площади). Все, что может сделать поэт, — назвать анонимного преступника *беспольным, никчемным* человеком. Пересохший фонтан — метафора истлевающей памяти, ведь в 1966 году не найти ни фонтан, ни надгробный камень на бывшем острове Кнайпхофе. Вся надежда — только

¹⁹ Многоязычие проявляется и в тексте: пациент доктора Швальбе посреди нидерландского стихотворного потока подает реплику на немецком, что создает иллюзию достоверности, но в то же время производит и «вавилонский эффект». Само название сборника нидерландской поэзии сочетает французский текст со словом английского происхождения (*clown* с нетипичной для романских языков буквой w).

на Судный день, когда сбудется пророчество: «И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20:12; синодальный пер.).

Неотвратимость наказания, впрочем, уже настигла убийцу, нарушившего нормы права и морали в четвертом сюжете. Жестокая показательная казнь преступника также имела коммеморативное измерение: о преступлении и наказании напоминает ступка, висящая под лестницей ратуши. Из орудия убийства она превратилась в *место памяти*, а также в инструмент политического воспитания (о чем недвусмысленно свидетельствует цитата из Эсхина). Впрочем, едва ли Васковски не отдавал себе отчет в том, что на 1966 год Кнайпхоф уже опустел, так что рассчитывать на назидательный характер истории и в этом случае приходилось лишь в перспективе Страшного суда.

Ремарка Васковски «но что значит *теперь?*» по поводу слова, обозначающего момент речи, проблематизирует понятие «теперь», что также вписывается в общее представление о его условности в рамках эсхатологического представления, характерного для христианского сознания. Как единая Церковь воплощает идею неразрывного единства верующих, независимо от конкретно-исторического времени их жизни, так История помещает всех своих персонажей в пространство коллективной памяти, где категории «тогда» или «теперь» (и даже «потом») теряют строгость своих значений. Все происходит с нами когда-то.

5. Профессор Калиссиус

Из немногочисленных деталей, которые Васковски добавил к нарративу Штайна, выделяется одна совершенно конкретная — Пит Калиссиус. Имя вымышленного профессора *Piet* напоминает лат. (польск.) *poeta*, то есть «поэт, пиит», что легко объяснить его профессией. Латинизированное *Calissius* может означать «из Калиша» — ср. фамилию польского писателя и религиозного деятеля Войцеха из Калиша (лат. Альбертус Калиссиус; *Wojciech z Kalisza* / *Albertus Calissius*, ум. 1601), принадлежавшего к протестантскому течению польских братьев. Профессора с аналогичным происхождением, впрочем, среди преподавателей Альбертины нет.

После установления источника нарратива возникает соблазн усмотреть в имени Калиссиус реминисценцию на фамилию совершенно реального исторического лица — переводчика «Пereгринатора» *Chari-sius*. Нельзя исключать вероятность того, что поэт имел в виду и это обстоятельство, конструируя фамилию оставшегося анонимным у Штайна профессора поэтики. Однако разгадка «проблемы Калиссиуса», как это часто бывает, лежит во внетекстовой действительности. Приблизиться к ней позволило знакомство с переводами цикла Васковски на европейские языки.

Поэт и переводчик Ян Х. Мишкин (*Jan H. Mysjkin*) во французском переводе, увидевшем свет в знаменитом журнале Мишеля Деги *Poésie* в

2007 году, передал фамилию Пита Калиссиуса неожиданно — *dr. Michel Daegidius* (Waskowski 2007, p. 134). Он же выступил переводчиком этого цикла на румынский язык вместе с Линдой Марией Барос, и они передали имя того же профессора иначе — *dr. Alexander Pirus* (Waskowsky 2011, p. 68).

К счастью, Ян Х. Мишкин откликнулся на просьбу автора этих строк прояснить мотивы выбора таких далеких от *Piet Calissius* имен. В электронном письме от 16 мая 2021 года он написал:

Я понимаю ваше удивление по поводу различий в именах в разных языках. Вот ответ:

— “*dr Piet Calissius*” — это латинизированная версия имени Пита Калиса (*Piet Calis*), известного голландского литературоведа и критика того времени, когда Васковски написал свое стихотворение; все в Нидерландах поняли эту аллюзию; спустя сорок лет Пит Калис все еще активен, но боюсь, что молодые читатели не уловят отсылку так же легко, как в семидесятые годы;

— при переводе стихотворения на французский язык стало ясно, что никто во Франции и других франкоязычных странах не поймет присутствия Пита Калиса²⁰ (или Калиссиуса), поэтому я решил латинизировать имя Мишеля Деги²¹, получив “*dr. Michel Daegidius*”; Деги был и остается огромным авторитетом в области поэзии во Франции; давайте будем откровенны, в выборе его имени не было злого умысла, я перевел много стихов Деги на голландский язык и не раз сотрудничал с его поэтическим журналом *Poésie*; Более того, французский перевод стихотворения Васковски был опубликован... в его журнале; все было сделано в шутиливой форме;

— при переводе стихотворения на румынский язык нам пришлось придумать еще одно имя, которое стало *dr. Alexander Pirus* для Александру Пиру²², эксперта в области поэзии в своей стране.

Таким образом, получилось три разных имени, потому что французское и румынское должны были функционировать в культуре нового языка так же, как Калис в оригинале (пер. с англ. мой. — И.Д.).

Ян Х. Мишкин поинтересовался, как можно было бы передать это имя на русском, чтобы оно так же удачно вписалось в национальный культурный контекст. Я предложил два варианта — *dr Georgius Lotman* или *dr Michael Bachtin*. Оставим это на выбор будущему переводчику цикла Рикуса Васковски на русский язык.

6. Заключение

Цикл Рикуса Васковски “*Das alte Königsberg*”, включенный в его дебютный поэтический сборник “*Tant pis pour le clown*”, производит впечатление рандомного набора малоизвестных сюжетов, отражавших реалии повседневной жизни провинциального немецкого города раннего

²⁰ Пит Калис (*Piet Calis*, 1936—2024) — нидерландский историк литературы.

²¹ Мишель Деги (*Michel Deguy*, 1930—2022) — французский поэт и переводчик. Основал журнал *Poésie* в 1977 году и редактировал его вплоть до своей смерти.

²² Александру Пиру (*Alexandru Piru*, 1917—1993) — румынский филолог и историк, литературный критик.

Нового времени. Уже от внимания первых критиков не ускользнули ни оригинальная поэтическая техника, ни глубоко демократическое мировоззрение поэта, которые со всей ясностью дали о себе знать в этом сборнике и, в частности, в рассмотренном цикле. Вопрос об источнике фактов, которые поэт вплет в свое повествование, можно решить практически с полной уверенностью: в руках Васковски, очевидно, оказалась книга — немецкий перевод сочинения Каспара Штайна о старом Кёнигсберге, и поэт, читая ее, утолил свой интерес к городу, который ассоциировался с известным ему, как и всему просвещенному миру, философом Иммануилом Кантом. Воспроизведенный по книге Штайна набор событий в их последовательности, нарушающей хронологию (1634 — [1644] — 1635—1550), дает некоторые основания для реконструкции «поэтической историософии» Васковски.

Исторический процесс для поэта на микроуровне отражает глобальные явления, свойственные и прошлому, и нашему времени, — постоянное колебание между жизнью и смертью, в котором обнаруживают себя инструменты преодоления смерти. Этих инструментов в первом приближении два — литературное творчество и научное знание. Хотя «теологическое измерение» цикла подчеркивает и статус религиозной веры как формально основного способа преодоления тварности и смертности, но *вера без дел мертва сама по себе* (Иак. 2:17), и поэт демонстрирует два оставшихся в распоряжении человечества дела для утверждения веры — искусство и науку. В случае профессора поэтики, кстати, *веселая наука* и искусство синтезируются, в случае оперирующего врача, анализирующего, то есть (этимологически) *расчленяющего* тело, — *строгая наука* проявляет свое превосходство над творчеством.

Сохранение памяти также есть операция, имеющая воспитательное значение в политическом (в качестве демонстрации силы власти), и нравственном (в память о безвинных жертвах насилия) смыслах. Память эта тем не менее хрупка: вода в фонтане пересыхает, имена и жертв, и подвижников стираются из коллективного сознания. Восстанавливая поэтическими средствами несколько судеб из забытого хронотопа, Рикус Васковски и возвращает право голоса всем миллионам аналогичных «жизней незамечательных людей», и утверждает историософию, в которой внешний баланс оптимизма и пессимизма хотя бы ненадолго — благодаря творчеству — склоняется в пользу человеческого достоинства.

Благодарности. Автор благодарит Нильса Схилстру (Niels Schilstra, Rotterdam) за содействие в работе и Яна Х. Мишкина (Jan H. Mysjkin, Paris) за консультации и любезное разрешение процитировать письмо о Пите Калисснусе.

Список литературы

Венцлова, Т., 2012. «Кёнигсбергский текст» русской литературы и кёнигсбергские стихи Иосифа Бродского. В: *Собеседники на пиру: Литературоведческие работы*. Т. Венцлова (ред.), М., с. 235—254. [Venclova, T., 2012. The “Königsberg Text” of Russian Literature and Joseph Brodsky’s Königsberg Poems. In: Venclova, T., ed. *Interlocutors at the Feast: Studies in Literary Scholarship*. Moscow, pp. 253—254 (in Russ.)].

Гиббон, Э., 2008. *Закат и падение Римской империи: в 7 томах*. Т. 1. М. [Gibbon, E., 2008. *The Decline and Fall of the Roman Empire: in 7 volumes*. Vol. 1. Moscow (in Russ.)] EDN: QPIGQX

Леонардов, Д., 1900. Вербальные теории боговдохновенности Св. Писания среди западных богословов в XVII веке. *Вера и разум*, 15, с. 135–157. [Leonardov, D., 1900. Verbal Theories of the Divine Inspiration of Holy Scripture Among Western Theologians in the 17th Century. *Faith and Reason*, 15, pp. 135–157 (in Russ.)].

Ницше, Ф., 2014. О пользе и вреде истории для жизни. В: *Полное собрание сочинений в 13 томах*. Т. 1, ч. 2. М., с. 83–172. [Nietzsche, F., 2014. On the Use and Abuse of History for Life. In: *Complete Works in 13 volumes*. Vol. 1, part 2. Moscow, pp. 83–172 (in Russ.)].

Эсхин, 2013. Против Тимарха. В: Исократ, Малые аттические ораторы. *Речи. Письма*. Э.Д. Фролов (ред.). М., с. 603–657. [Aeschines, 2013. Against Timarchus. In: Frolov, E.D., ed. Isocrates, Minor Attic Orators. *Speeches and Letters*. Moscow, pp. 603–657 (in Russ.)].

Albinus, R., 1988. *Lexikon der Stadt Königsberg Pr. und Umgebung*. Leer.

Buddingh', C., 1966. Debuut van Riekus Waskowsky. *Het Parool*, 9 April, p. 12.

Groot, M. de, 1967. Riekus Waskowsky: De poezie van de balans. *Contour*, 3(6), pp. 49–51.

Heller, L., 1843. *Nikolaus Hunnius: sein Leben und Wirken; ein Beitrag zur Kirchengeschichte des siebzehnten Jahrhunderts, größtentheils nach handschriftlichen Quellen*. Lübeck.

Jubelfeyer des Schabbelianischen Stipendii, 1737. In: *Acta historico-ecclesiastica, oder gesammelte Nachrichten und Urkunden zu der Kirchengeschichte unserer Zeit*. Weimar. T. 2, part 7, pp. 943–953.

Muiswinkel, E. van, 1997. Biografische schets. *Passionate*, 4(5), pp. 8–21.

Stein, C., 1910. *Das alte Königsberg. Eine ausführliche Beschreibung der drei Städte Königsberg samt ihren Vorstädten und Freiheiten wie sie anno 1644 beschaffen waren / nach dessen lateinischem "Pegrinator" zum ersten Male ins Deutsche übertragen von Arnold Charisius*. Königsberg.

Waskowsky, R., 1966. *Tant pis pour le clown*. Amsterdam.

Waskowsky, R., 2007. *Das alte Königsberg*. Trad. en français par J.H. Mysjkin. *Poésie*, 122–123, pp. 33–34.

Waskowsky, R., 2011. *Das alte Königsberg*. Traduse în limba română de L.M. Baros si J.H. Mysjkin. *VERSUs/m*, 4 pp. 68–69.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев, кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

ORCID: 0000-0001-5530-1108

SPIN-код: 5748-8084

E-mail: idementev@kantiana.ru, io.dementiev@gmail.com

Для цитирования:

Дементьев И.О. Что значит «теперь»? Историософские эксперименты Рикуса Васковски в стихотворном цикле “Das alte Königsberg” // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17, №3. С. 79–94. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-5.

WHAT DOES "NOW" MEAN? RIEKUS WASKOWSKY'S HISTORIOSOPHICAL EXPERIMENTS IN THE POEM CYCLE "DAS ALTE KÖNIGSBERG"

Ilya O. Dementev

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Received 15.05.2026

Accepted 05.06.2026

doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-5

This article analyses the poem cycle "Das alte Königsberg" ("Old Königsberg") by the Dutch poet Riekus Waskowsky (1932 – 1977), from his collection "Tant pis pour le clown" (1966). In the four poems of the cycle, the poet describes four events from the everyday life of Königsberg in the 16th and 17th centuries: the murder of a student, the celebration of a university anniversary, an operation to remove a knife from a patient's stomach, and the execution of a criminal. The source of the facts underlying the narrative is identified – Caspar Stein's book "Old Königsberg." Critics have concluded that the cycle under discussion primarily reflects Waskowsky's interest in history and his compassion for its victims. I also attempt to demonstrate that "Das alte Königsberg" can be interpreted as an illustration of Friedrich Nietzsche's postulate of three kinds of history – monumental, antiquarian, and critical. Waskowsky's distinctive historiosophy combines empathy for victims with a vindication of science and art (craftsmanship), as well as attention to the nuances of the fleeting everyday. The choice of the name of the poet's professor of poetics, Piet Calissius, is considered separately; it represents one of the few details invented by the poet. With the help of poet and translator Jan H. Mysjkin, the meaning of this allusion has been established.

Keywords: Königsberg, history, Dutch poetry, Riekus Waskowsky

Acknowledgements. *The author would like to thank Niels Schilstra (Rotterdam) for his assistance with this work, and Jan H. Mysjkin (Paris) for his advice and kind permission to quote the letter about Piet Calissius.*

The author

Dr *Ilya O. Dementev*, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

ORCID: 0000-0001-5530-1108

E-mail: idementev@kantiana.ru, io.dementiev@gmail.com

To cite this article:

Dementev, I.O., 2026, What does "now" mean? Riekus Waskowsky's historiosophical experiments in the poem cycle "Das alte Königsberg", *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 17, no. 3, pp. 79 – 94. doi: 10.5922/2225-5346-2026-3-5.

